

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

АЛЛА САЛЬНИКОВА

ИСТОРИЯ ЕЛОЧНОЙ ИГРУШКИ

85.126.7(

C16

СА-406090

АЛЛА САЛЬНИКОВА

ИСТОРИЯ ЕЛОЧНОЙ ИГРУШКИ, ИЛИ КАК НАРЯЖАЛИ СОВЕТСКУЮ ЕЛКУ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА

2024

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

СА-406090

От автора

Мир вещей, окружающих человека в повседневной жизни, разнообразен и многолик. Среди них есть такие, без которых не прожить и дня. Есть и такие, к которым обращаются лишь изредка, например елочные игрушки. В самом деле, без них легко обойтись. Но скольких счастливых и радостных минут были бы лишены дети (да и взрослые), утратив возможность увидеть елку в ее великолепном убранстве! Как тускло, уныло и «раздето» выглядела бы она без своего новогоднего праздничного наряда!

Эта книга посвящена истории советской елочной игрушки, истории далеко не простой. Безусловно, возникла эта игрушка не на пустом месте. Она не была чем-то искусственно сконструированным, как иногда могло бы показаться на первый взгляд — ведь советская власть не просто жестко разграничила православное «буржуазно-дворянское» Рождество и советский «атеистический» Новый год вместе со всеми присущими им праздничными атрибутами, но и жестко противопоставила их друг другу. Однако изменившееся почти до неузнаваемости смысловое содержание, а зачастую и форма елочных украшений отнюдь не свидетельствовали о полном разрыве с традициями, и прежде всего с традицией их широкой востребованности в праздничном быту. Другое дело, что и в имперской России елочная игрушка довольно медленно и не всегда успешно пробивалась к массовому потребителю и промышленному производителю. Потребление ее было действительно четко стратифицировано

На фронтисписе:

Малыш со снежным комом; папье-маше, роспись, слюда; 1950-е гг., Ленинград. Из коллекции Л. Блатт

На соседней странице:

Из коллекции Л. Блатт. 1. Богемская монтированная подвеска «цветок». 2. Медведь с мячом; картон; 1936–1966 гг. 3. Ребенок в пальто; папье-маше, вата, цветная папиросная бумага; 1920-е гг. 4. Корзинка с цветком; проволока, картон; завод «Москабель», 1940-е гг. 5. Дед Мороз; пластмасса, роспись; 1960-е гг. 6. Бегемот; дрезденская картонажная, фольгированная; 1890–1920-е гг. 7. Гриб в шляпе; прессованная вата, гуашь, роспись, картон; 1960-е гг. 8. Жираф; вата, роспись, слюда; 1950-е гг. 9. Музыкальный инструмент; стекло, ручная роспись; 1920-е гг.

Формы и способы бытования елочной игрушки в культуре

Один богат купил ящик фальшивых елочных игрушек. «Почему фальшивые?

Не вешаются? — Вешаются. —

Не блестят? — Блестят. —

Так что ж тогда? — Не радуют».

Старый анекдот

«Для чего она? — спросил Тень. — Я имею в виду: да, она самая большая карусель в мире, сотни животных, тысячи лампочек, и она все время вращается, но ведь никто никогда на ней не катается».

«Она здесь не для того, чтобы на ней катались...», — сказал Среда. —

Она здесь для того, чтобы ею восхищались. Для того, чтобы быть».

Нил Гейман. Американские боги. 2001

Ночь. В комнате кроме тьмы — ставни на окнах плотно закрыты. Мне лет пять-шесть. Я лежу в кровати и напряженно вглядываюсь в темноту. Где-то там, в углу, притаилась елка. Ее совсем не видно, не просматриваются даже ее очертания, и только мой любимый шар мерцает и светится в густой тьме своим фосфорически загадочным, волшебным светом. Этот шар отнюдь не самый красивый из всех развешенных на елке украшений. Тускло-золотой, с розовыми и голубыми крапинками и шероховатыми белыми разводами, днем от теряется в массе своих более ярких и сверкающих собратьев. Но вот ночью он, безусловно, первый среди равных. Его голубоватое свечение кажется каким-то космическим, потусторонним, необъяснимо притягательным и одновременно слегка пугающим. Будто он нематериален, будто темнота реальна, а он нет. Я закрываю глаза, но мне кажется, что и с закрытыми глазами я продолжаю видеть этот таинственно светящийся предмет.

На соседней странице:

Фрагмент рождественского украшения из дерева, Эрцгебирге. Специализированный магазин елочных украшений, Берлин, Германия. Февраль 2010. Фото автора

очищения — как нельзя лучше соотносился с образом ребенка как существа срединного, переходного между ангельским и человеческим мирами. Авангард начала XX века создал концепцию «эстетизированной детскости»¹¹, куда прекрасно укладывалась и рождественская елка со всеми ее атрибутами.

В советское время — время торжества «префигуративной» культуры¹² — дети как носители и трансляторы нового советского опыта также оказались весьма кстати. Накануне нового, 1936 года, возвращая рождественскую, а теперь уже новогоднюю елку после ее запрета, «лучший друг всех советских детей», большевик и партийный функционер Павел Постышев (благодаря возвращению елки ему даже удалось ненадолго разделить это почетное звание с самим Сталиным), призвал в «Правде» организовать «веселую встречу Нового года для детей (курсив мой. — А. С.)», устроить «хорошую советскую елку во всех городах и колхозах!»¹³

Елка принадлежала к той категории праздников, о которых Филипп Арьес писал, что они «оставляли за молодыми монополию на главную роль, отводя другим роль зрителей» (правда, по его словам, «роль эта была подчинена определенному обычаю и соответствовала правилам коллективной игры, собиравшей вместе в одну социальную группу людей всех возрастов»¹⁴). Взрослые получали от «детской» елки своеобразное, «наивное», по словам А.И. Куприна, удовольствие, причем не меньшее, чем сами дети¹⁵. Однако елочные игрушки

Вверху:

Американская рождественская открытка. 1900-е гг.

От какого наследства хотели отказаться большевики.

Елка и елочная игрушка в дореволюционной России

Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки.
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.
Осип Мандельштам, 1908

Русская елочная игрушка была порождением не только отечественной, но и западноевропейской, прежде всего немецкой культуры. Если говорить об истории елочных украшений в России, об их производстве и потреблении, о здешних изменениях в елочной моде и елочных «пристрастиях», корнями своими они, безусловно, уходили в немецкую традицию. Ведь, как известно, именно Германия традиционно считалась и считается первой европейской страной, где еще в XVI веке в Рождество стали устанавливать наряженную елку¹. Во второй половине XIX столетия рождественская елка превратилась в общегерманскую традицию, а сам праздник обрел форму устоявшегося ритуала².

В Германии и только в Германии, по утверждению многих иностранных путешественников и мемуаристов XIX века, можно было увидеть настоящую рождественскую ель во всей ее красе: ведь, по их мнению, Рождество было истинно немецким праздником. Оно «подходило» немцам так, как «пьеса подходит актеру, под чей характер и темперамент она специально написана», а присущая этому празднику «детскость» как нельзя лучше соответствовала «детскости» немецкой натуры³. Елка в Германии не была ни изысканной роскошью для богатых, ни утехой для избранных, ни причудой для избалованных. Напротив, «здесь никто не был столь беден или столь одинок, чтобы не иметь ее»⁴.

На соседней странице:

Людвиг Рихтер. Рождественская ночь. Немецкая рождественская открытка. 1900-е гг.

елки устраивались практически во всех театрах и клубах города³⁷. Новогодние балы (часто костюмированные) с великолепными, богато украшенными рождественскими деревьями традиционно проводились в залах Дворянского, Военного и Купеческого собраний. Они не носили замкнутого, сословного характера. Уплатив 50 копеек и получив рекомендацию члена клуба, можно было посетить взрослые и детские новогодние балы и маскарады в Благородном (Дворянском) и Военном собрании, а в Купеческий клуб вход был возможен вообще «без всякой рекомендации»³⁸. Большой танцевальный зал Дворянского собрания, где обычно устанавливалась елка, вмещал более 1200 человек. Новогодние балы и елки обычно продолжались до Крещения — 6 января.

Обывателю же и даже городскому интеллигенту нарядить елку было не просто. Привозные елочные игрушки стоили дорого (например, цена выставленной на продажу полностью украшенной елки колебалась в 1840-е годы от 20 до 200 рублей ассигнациями)³⁹, а доходы населения были низкими. В середине XIX века провинциальные приказчики получали 50–100 рублей в год, работники при домах — 15–40 рублей, мелкие канцелярские служащие — 36–72 рубля, уездные и городские врачи — 180–224 рубля, библиотекари и их

На соседней странице и на этой странице сверху:

Празднование Рождества в России XIX века. Публичная елка. Из книги: Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005

Куда улетел «желтый ангел»? Елочная игрушка в Советской России: конец 1910-х — первая половина 1930-х годов

И тогда с потухшей елки
Тихо спрыгнул желтый ангел...

А. Вертинский. *Желтый ангел*. Париж, 1934

Рождество в стране моей родной.
Добрый дед с пушистой бородой,
Пахнет мандаринами и елкой
С пушками, хлопушками в кошелке.
Детский праздник, а когда-то мой...
Кто-то близкий, теплый и родной
Тихо гладит ласковой рукой...
Время унесло тебя с собой,
Рождество страны моей родной.

А. Вертинский. *Рождество*. Париж, 1934

Начиная уже с первых послеоктябрьских дней существенное место в стратегических планах и тактиках большевиков занимало преобразование старого имперского праздничного пространства. На то был целый ряд причин, и в первую очередь политико-идеологических. Советское государство как государство с очевидными «социально-инженерными» претензиями (Зигмунт Бауман) не могло оставаться в стороне от процесса конструирования новой советской праздничной системы, создаваемой в рамках того образа мира и тех доминантных политических, социальных, культурных и художественных ценностей, которые были присущи отныне доминирующей политической группе. Данная группа передавала и навязывала обществу свои представления о «нормальных» праздниках, а советскому «государству-садовнику» посредством «устрашения вперемешку с идеологической индоктринацией» предстояло

На соседней странице:

Александр Бенуа. Рисунок на обложке сборника «Елка» (Петроград, 1918, под ред. К. Чуковского)

осуществить «трудоемкое обеспечение общего согласия»¹, придавая таким образом упомянутым праздникам статус «доминантных» и наиболее благоприятных для формирования субъекта-подданного.

Предполагаемая всеобщность и универсальность самого большевистского проекта неизбежно предусматривала некое «выравнивание» и универсализацию той праздничной среды, в которой обретался новый советский человек. Соответственно, субдоминантные, или альтернативные, праздники, которые отличались с точки зрения своих прежде всего политических, а также этнических, конфессиональных и прочих свойств, вместе с их атрибутами подлежали в лучшем случае преобразованию и подтягиванию до уровня доминантных, а в худшем — прямому запрету.

С точки зрения новой, советской власти елочные игрушки и украшения в ряду бытовавших и насаждавшихся знаков-символов безусловно принадлежали к категории «инструментальных» («субдоминантных»), которые отныне должны были носить остаточный характер и даже подавляться, дискриминироваться². Удивительная и дерзкая «горячая» раннесоветская Культура Один³ была нацелена на поправление всего сущего, в том числе и «буржуазной» елки с ее атрибутами. Но сделать это быстро было попросту невозможно как в силу укорененности прежних символов в массовом сознании, так и в силу невозможности немедленной замены их чем-то другим, более-менее равнозначным.

В тех тяжелейших экономических условиях, в которых оказалось молодое советское государство в ранний послеоктябрьский период, главной для него становилась проблема элементарного выживания и спасения детей от голодной смерти. Детские учреждения не были обеспечены даже самым необходимым, не говоря уже об игрушках⁴, тем более елочных. В дни Рождества комитеты бедноты раздавали детям не игрушки и не елочные украшения, а хлеб⁵. Но, как ни странно, праздник елки сохранился и в этих экстремальных условиях. Так, в предрождественском номере казанской газеты «Знамя революции» за 1917 год упоминались случаи проведения бесплатных елок для детей в Народном доме, в Гоголевском театре и других местах⁶. Сразу после установления советской власти в Казани, в декабре 1917 года, рабочий Алексей Смирнов предложил Казанскому совету «осовеченный» проект рождественской елки. Ее следовало устроить в одном из лучших городских залов — в зале Дворянского собрания или в Городском театре — для детей солдат, рабочих и вообще городской бедноты⁷. Юный житель Омска, мальчик из обеспеченной, «буржуйской» семьи, сообщал о том, что в 1918 году «на праздник Рождества большевики устраивали елки, на которые приглашали *всех* (курсив мой. — А. С.) детей; там был и я»⁸. В 1923 году правление Татарского отдела Союза кожевников выделило деньги на празднование Рождества в казанских школах⁹.

Наверное, это была одна из немногих возможностей вернуть изголодавшимся, разутым и раздетым детям — «своим» и даже «чужим» — частицу беззаботной радости их детского бытия.

Елка, елочные украшения и рождественская тематика продолжали сохраняться на страницах учебной литературы, по которой обучались дети в первые годы советской власти. В отсутствие новых учебников старые, дореволюционные буквари и книги для чтения не только использовались в школе, но и переиздавались, правда, подчас под новым названием. При этом рождественские тексты и визуальные изображения иногда оставались незамеченными и попадали в новые, советские издания. Обычно это происходило в провинции, где контроль над учебной литературой не был особенно жестким, а потребность в ней была необычайно велика. Так, например, в 1922 году в Иваново-Вознесенске была издана перепечатанная с дореволюционного издания книга для чтения В. Флерова «Ясное утро», куда вошло рождественское стихотворение «Со звездой», заканчивавшееся словами: «Так отрадна весть святая о рождении Христа»¹⁰.

Уже хрестоматийным стал для отечественных исследований пример с изданием зимой 1918 года сборника «Елка» под редакцией Корнея Чуковского. На обложке книги был помещен рисунок Александра Бенуа, изображающий рождественскую елку, наряженную веселыми играющими ангелочками со свечами. Венчал елку младенец Иисус, сидящий на облаке в ореоле мерцающей шестиконечной звезды¹¹.

В процессе национализации игрушечных и писчебумажных магазинов конфискованные елочные игрушки поступали в детские учреждения¹². Поступления эти были стихийны и неупорядочены, однако в результате дети подчас получали шикарно наряженные елки, ничуть не уступавшие в своем убранстве дореволюционным елкам из «богатых» домов. В воспоминаниях елочные игрушки первых послереволюционных лет, украшавшие тогдашние елки «в детских садах и на детских площадках», описываются как «прекрасные игрушки из недавнего прошлого»¹³.

Учительница одной из советских трудовых школ записала в своем дневнике 28 декабря 1918 года, что в школу поступило большое количество елочных украшений, «большая часть — заграничное стекло очень тонкой работы. Дети любят: «Ах, у буржуев взяли. Вот хорошо. А теперь нам»¹⁴. Елку наряжали два дня — и дети, и учителя. Но легко обретенное столь же легко утрачивалось. Наступил праздник. «Человек двести детей водят вокруг елки каравай... И вдруг в один миг, вся масса, все двести накидываются на елку. Накидываются с безумным криком, как разъяренные звери... Все на полу, все измято, разбито и уничтожено... «Как вы могли?» Они смущены: «...Что же тут жалеть, ведь это все реквизировано»¹⁵. Таков был результат успешного «классового» воспитания.

«Блестящий воспитатель». Елочная игрушка как инструмент наделения «советскостью»

Елочка-елка, погляди вокруг,
Сколько здесь товарищей,
Сколько здесь подруг!
У тебя на ветках звезды загораются,
А с портрета Сталин смотрит, улыбается!
Н. Законская. Елочка, елка (песенка). 1938

Да, веселые елки опять
Будут детям огнями сиять.
Так скажем же, дети, спасибо ему,
Защитнику, другу, отцу своему,
Великому нашему Сталину!
К. Чуковский. Елка. 1944

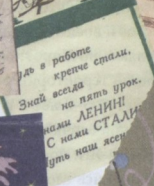
«Жизнеутверждающая», «веселящаяся» и «радостная» сталинская Культура Два¹ отлилась не только в классическую формулировку «жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее»², но и в целый ряд канонических, знаковых определений и понятий, связанных с детьми («Нигде нет такой заботы о детях, как у нас! Наши дети — самые веселые, самые здоровые, самые счастливые дети в мире!»³). Богато украшенная, сияющая елка становилась отныне символом новой, «советской» радости, веселья и изобилия⁴, а новая советская елочная игрушка призвана была в материализованной и внешне очень привлекательной форме воплощать, фиксировать и пропагандировать достижения советской власти и преимущества социалистического строя. Как утверждалось в одной из передовиц советского журнала «Игрушка», сейчас «вряд ли нашлись бы люди», «которые бы осмелились, как они это делали всего несколько лет назад, оспаривать большое педагогическое значение» новогодней елки и елочных украшений. Педагоги — «левые загибчики», «ославившие это прекрасное детское развлечение как буржуазную затею»⁵, были развенчаны и гневно заклеены.

На соседней странице:

Пионер-барабанщик; папье-маше, ручная роспись, слюда; 1940–1950-е гг.; реставрация.
Из коллекции Л. Блатт

Образцовая новогодняя елка. Журнал «Игрушка». 1937. № 8

Красная звезда vs китайские шары. Советская елочная игрушка в современной России

Память — единственный рай,
из которого нас не могут изгнать.
Жан Поль (1763–1825)

1990-е годы принесли в Россию новую елку. Радикальные политические и экономические перемены, культурные и идеологические трансформации, произошедшие в стране в это время, не могли не отразиться на сложившейся «елочной» идеологии. На смену советской елке, «застывшей» и «закостеневшей» вместе со всем советским обществом в своем праздничном «однообразном» великолепии 1970–1980-х годов, пришла елка постсоветская — яркая, смелая, разрушающая сложившиеся каноны и стереотипы. Подверженная влиянию новейших модных тенденций, стирающая национальные границы, лояльная к проявлениям религиозности и воплощающая идеалы массовой культуры, эта «новая» елка потребовала существенной модификации своего убранства, поскольку именно оно во многом отражало присущий ей новый статус и смысл. Надоевшие советские игрушки, казавшиеся тогда явным анахронизмом, стали быстро вытесняться импортными елочными украшениями, большинство из которых составляли китайские изделия, хлынувшие на российский рынок. Казалось, что советской елочной игрушке, как и другим «советским» вещам, пришел конец и она будет востребована лишь коллекционерами.

Потеря интереса к такой игрушке во многом объяснялась тем, что в сфере потребления она прошла те же достаточно типичные стадии, которые характеризовали режимы и уровни отношения людей к вещам в СССР, а затем в постсоветской России¹. Первоначально и, кстати, достаточно долго — с момента своего появления во второй половине 1930-х годов и на протяжении более чем четверти века — елочная игрушка была дефицитна и потому особо ценна

На соседней странице:

Елочный шар производства ЗАО «Иней». 2003. Фото Е. Сярой

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49